

В. А. Рачковский

Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в феврале-марте 1917 г. в воспоминаниях социалистов (часть I)

В отечественной историографии особое место занимает период 1917 г. — конца 20-х — начала 30-х гг. Именно с ним связано масштабное издание исторических источников, относящихся к Петроградскому Совету рабочих и солдатских депутатов, и начало исследований его истории в революционном 1917 г.

Характерной особенностью этого этапа 1917 г. — конца 20-х — начала 30-х гг. стала публикация большого количества воспоминаний, мемуаров, дневников участников событий революционного 1917 г. Многие из них являются ценными историческими источниками, возможности которых использованы исследователями далеко не в полной мере. В то время идеологический пресс еще только начал формироваться, и это позволяло издавать воспоминания политических деятелей разного направления. Не существовало тогда еще и «железного занавеса» между советской Россией и кругами эмиграции, в особенности социалистической. Литература, выходящая за границу, была доступна исследователям в советской России. Часть из них позднее, в конце 1980-х — первой половине 1990-х гг., была переиздана в СССР–России.

Для исследователей истории Петроградского Совета в 1917 г. наибольшее значение имеют воспоминания лиц, входивших в руководство Совета, его депутатов: Н. Н. Суханова, А. Г. Шляпникова, В. Б. Станкевича и др.

Особую ценность с этой точки зрения представляет работа Н. Н. Суханова «Записки о революции», значительное место в которой занимает деятельность Совета. Это фундаментальная работа, вышедшая в семи книгах (первая книга вышла в 1919 г.), не имеет себе равных, а материалы к ней автор начал собирать с марта 1917 г. Сам Н. Н. Суханов считал ее исключительно личными воспоминани-

***Рачковский Валерий
Александрович,***
*кандидат
исторических наук,
доцент,
Санкт-Петербургский
государственный
университет.
vlad_65@list.ru*

ями: «Я пишу только то, что помню, только так как помню. Эти записки плод не размышления и еще меньше изучения: они плод памяти»¹. Однако на самом деле она содержит и значительные элементы исторического исследования, основана на анализе документальных источников, материалов периодической печати, мемуаров. Н. Н. Суханов находился в самой гуще событий, он был членом Исполнительного комитета Петроградского Совета с момента его создания, членом ВЦИК, и был, конечно, очень информированным человеком.

В поле зрения Н. Н. Суханова находились события, происходившие главным образом в Петрограде, и в первую очередь связанные с деятельностью такого центра власти, как Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Книги Н. Н. Суханова высоко оценивали современные ему политические деятели — от Ленина и Троцкого до Милюкова, их широко использовали в своих трудах как отечественные, так и зарубежные историки.

В советской историографии сложилась устойчивая традиция оценки его книг с позиции огульной критики, и лишь в постсоветской литературе стали появляться работы, где им дается объективная оценка².

Таким образом, можно отметить, что мы еще далеки от комплексного, научного использования такого первоклассного источника, каким являются воспоминания Н. Н. Суханова. Каковы же главные особенности «Записок о революции», касающиеся деятельности Петроградского Совета, его Исполнительного комитета, фракций, секций, отдельных его руководителей?

Прежде всего, это высокая степень достоверности: Н. Н. Суханов был непосредственным свидетелем и участником работы Петроградского Совета с первого дня его создания — 27 февраля 1917 г. В тех случаях, когда очевидцем каких-либо событий он не являлся, это всегда оговаривается в тексте, часто со ссылками на источник информации. В такой объемной работе, как «Записки о революции», один из крупнейших исследователей творчества Н. Н. Суханова, А. А. Корников, насчитал всего 79 фактических неточностей³.

Воспоминания содержат огромный объем информации о Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов за весь революционный 1917 год. Н. Н. Суханов все это время находился именно в «советской среде», среди руководства Совета. Другие мемуаристы также оставили ценные свидетельства о деятельности Совета, но, как правило, за более короткие временные отрезки — их работа не была все время связанной с ним. И в этом отношении мемуары Н. Н. Суханова представляют явление уникальное, это просто «энциклопедия» Петроградского Совета и ВЦИК I созыва. Нет ни одного аспекта функционирования Совета, который не был бы в той или иной степени освещен на страницах «Записок о революции».

Нельзя не сказать и о несомненном литературном даре автора, он очень ярко и образно передает атмосферу и обстановку Совета. Одной из важнейших особенностей труда Н. Н. Суханова является детальное описание теневой, закулисной стороны деятельности Совета: политическая борьба, споры, дебаты, соглашения, то есть именно то, что никогда не попадало на стра-

ницы периодической печати, не фиксировалось в протоколах заседаний. Это обстоятельство придает дополнительную ценность его воспоминаниям.

Н. Н. Суханов обстоятельно показывает, как готовились и принимались важнейшие документы Петроградского Совета. Большой интерес, в частности, представляет описание подготовки знаменитого манифеста «К народам всего мира», одним из авторов которого был Н. Н. Суханов. Это самый значительный внешнеполитический документ, принятый Советом, несмотря на все противоречия, которых не скрывал и один из его главных авторов. «Эта двойственность задачи, эта противоречивость требований заставила танцевать на лезвии под страхом скovyрнуться в ту, либо в другую сторону. И конечно это не могло не отразиться должным образом на содержании манифеста», — писал о манифесте Н. Н. Суханов⁴.

Ценные сведения содержат воспоминания о работе отделов Исполнительного комитета Петроградского Совета, и в частности — экономического, членом которого он состоял. «Записки о революции» являются прекрасным источником о деятельности политических партий в 1917 г., в особенности партии меньшевиков, членом которой Н. Н. Суханов стал в мае того года. Без анализа документов, принадлежавших различным партиям, представленным в Совете, трудно понять и историю собственно Петроградского Совета. Но воспоминания Н. Н. Суханова часто очень существенно дополняют официальные партийные резолюции и решения. А поскольку именно меньшевики определяли политику Совета до сентября 1917 г., то эта часть «Записок» также представляется весьма важной для исследователей истории Совета.

Труд Н. Н. Суханова содержит обширный материал о различных периодических изданиях, выходивших в это время, особенно о тех, где сотрудничал сам автор. В первую очередь, это собственный орган Совета «Известия» и газета «Новая жизнь», у истоков которой он стоял и которой отдал много времени и сил.

В «Записках о революции» Н. Н. Суханов дает характеристики целому ряду политических деятелей, со многими из них он был знаком лично. Эти характеристики далеко не всегда справедливы, но всегда интересны. Исследователи объясняют это скептическим характером Н. Н. Суханова, разногласиями с этими деятелями по политическим вопросам. Но мемуарист всегда старается аргументировать свою точку зрения. И уж совсем нельзя согласиться с мнением одного из исследователей Советов А. М. Андреева, что «Суханов восхваляет лидеров “революционной демократии” — Чхеидзе, Церетели, Дана и других — и занимается очернительством членов Бюро ЦК РСДРП(б), Петербургского комитета большевиков и большевистской фракции Петербургского Совета»⁵. Характеристики указанных политических деятелей очень далеки от апологетики. Н. Н. Суханов очень критически относился к большевикам и их лидерам, но при этом весьма объективно оценивал влияние и роль этой партии и ее руководителей. «Самая влиятельная рабочая организация Петербурга» — так оценивал большевиков в феврале 1917 г. Н. Н. Суханов⁶. «Партийный патриот..., опытный конспиратор, отлич-

ный техник-организатор и хороший практик профессионального движения, он совсем не был политик, способный ухватить и обобщить сущность создающейся конъюнктуры», — писал Н. Н. Суханов об одном из самых видных руководителей большевиков А. Г. Шляпникове⁷. Как далеки эти оценки от очернительства.

В ряду мемуаров, имеющих особую ценность для исследователей истории Петроградского Совета, видное место занимает работа Александра Гавриловича Шляпникова. Шесть книг, объединенных названием «Канун семнадцатого года» и «Семнадцатый год», вышли в свет с 1920 по 1931 г. и выдержали в это время несколько переизданий. Строго говоря, эти книги трудно классифицировать только как воспоминания — они содержат большое количество документальных приложений, в них широко использовались материалы периодической печати самых разных политических направлений; они содержат значительный аналитический, исследовательский элемент. А. Г. Шляпникова по праву можно считать одним из первых историков Петроградского Совета. В его работе освещаются события вплоть до июля 1917 г. Во время Февральской революции А. Г. Шляпников фактически возглавлял Русское бюро ЦК РСДРП(б) и принимал активное участие в организации Петроградского Совета. В его мемуарах отчетливо видно, что большевики считали создание Совета насущной задачей, да и в массах еще живы были воспоминания о Советах первой русской революции. «При победе восстания, даже при первом его успехе, мы предполагали созыв совета рабочих депутатов. Как он создается, для рабочих очень хорошо было известно по опыту 1905 г. Другого, более авторитетного центра трудно было и выдумать», — писал А. Г. Шляпников⁸. Большой интерес представляет информация о контактах представителей социалистических партий в дни Февральской революции или, как их еще называет А. Г. Шляпников, «радикальной интеллигенции». На одном из таких собраний на квартире А. М. Горького на Кронверкском проспекте он узнает, что «кое-где рабочие выбрали депутатов и посылают их в Таврический дворец. Там предполагалось собрание депутатов и организация Совета Рабочих Депутатов»⁹. В это время 27 февраля 1917 г. и был создан Петроградский Совет рабочих депутатов. Еще днем был образован Временный Исполнительный комитет, который и занимался организацией Совета. Шляпников же оказался в Таврическом дворце значительно позднее, вероятно, между шестью и семью часами вечера, но сразу же активно включился в эту работу. Именно по его предложению время первого заседания Совета было перенесено с 19 часов на 21 час, чтобы как можно больше рабочих депутатов смогли на него попасть. В книге А. Г. Шляпникова приводятся очень любопытные наблюдения о составе организаторов Совета: «В Екатерининском зале было много солдат, интеллигенции. Выделялись депутаты IV Думы, державшиеся как “у себя дома”. Рабочих не было видно»¹⁰. Отчетливо заметны в его мемуарах и организационные усилия социал-демократов меньшевиков, располагавших и легальными возможностями оказывать влияние на рабочих. «Освобожденные из тюрьмы представители “Рабочей группы” Центрального военно-промышленного комитета использовали свой аппарат для мо-

биллизации своих представителей в Таврический дворец. Думская социал-демократическая фракция Н. С. Чхеидзе так же собрала весь цвет меньшевизма. К. А. Гвоздев, выйдя из Крестов, сумел дать на некоторые заводы “своим ребятам” телефонограмму о собрании Совета на 7 часов вечера»¹¹.

А. Г. Шляпников пытается дать ответ на вопрос, почему же большинство в Совете оказалось за меньшевиками и эсерами. И отвечает на него так: «Собрание делегатов-учредителей показало нам, что наши товарищи увлеклись боевыми задачами и упустили выборы»¹². Конечно, это была далеко не единственная и даже не главная причина; на самом деле, состав Совета в феврале-марте объективно отражал уровень сознательности рабочих и солдатских масс. Точка зрения А. Г. Шляпникова оказалась очень устойчивой, ее разделяли многие исследователи, и лишь в последние годы уровень влияния большевиков на массы получил объективную оценку. Очень яркую и выразительную характеристику дает А. Г. Шляпников поведению интеллигенции при организации Совета: «комната, в которой предполагалось открытие Совета Рабочих Депутатов, мало-помалу наполнялась делегатами и интеллигентской публикой. Особенно много интеллигенции, искавшей мандатов в качестве представителей в Совет... К победившим рабочим и солдатам потянулись все до этого дня чуравшиеся их борьбы, а теперь наперебой предлагали свои услуги в качестве “вождей”»¹³. Мемуары А. Г. Шляпникова содержат богатейшую информацию о первом заседании Петроградского Совета рабочих депутатов, что придает им особую ценность, так как протоколы заседания отсутствуют, и судить о его ходе можно только по газетным отчетам и воспоминаниям участников.

Первое заседание Совета открылось около 9 часов вечера в помещении бюджетной комиссии Государственной Думы. А. Г. Шляпников определяет численность присутствовавших в 40–50 человек, но он учитывает только рабочих депутатов. Другие мемуаристы называют, с учетом солдат и делегатов с совещательным голосом, цифру до 250 человек. «Никакой проверки прибывших депутатов не было депутатов не было. Не было так же и никакой регистрации представителей. Большинство, если не все поголовно, имели “устные мандаты, без всяких удостоверений от заводов”, — писал он¹⁴. Здесь он, видимо, ошибается и противоречит себе. Мандатная комиссия была, и была организована не во время заседания Совета, а еще до его начала, Совет только утвердил ее. Такой точки зрения придерживается, в частности, один из крупнейших исследователей истории Совета Ю. С. Токарев. На этом заседании Совета А. Г. Шляпников, более известный под псевдонимом Беленин, был избран в состав Исполнительного комитета Совета, насчитывающий 15 членов. Однако, в отличие, скажем, от Суханова, деятельность А. Г. Шляпникова осуществлялась не только в стенах Таврического дворца: он активно занимался партийной работой, часто общался с рабочими на заводах и фабриках.

Наиболее обстоятельно и подробно в книгах А. Г. Шляпникова освещается работа Петроградского Совета и его Исполнительного комитета в феврале-марте 1917 г., когда он наиболее активно принимал участие в их заседаниях. Затем большую часть апреля он будет находиться

в больнице после аварии. В протоколах Петроградского Совета за апрель его имя упомянуто только пять раз¹⁵.

Работа Совета довольно часто освещается А. Г. Шляпниковым с критических позиций: «Деятельность Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в первый месяц революции протекала в хаотических условиях. Работа Совета и его заседаний были плохо подготовлены и почти не организованы»¹⁶. Следует отметить, что другие мемуаристы также отмечают слабую организацию Совета, особенно в первые месяцы.

Весьма скептически отзывается он и о ведении документации Совета и Исполнительного комитета: «Протоколы велись кустарями, не понимавшими всей важности доверенного им дела и работавшими, как говорят “спустя рукава”. Зав. отделами и технические работники ЦК вербовались по преимуществу из соглашательского лагеря.»¹⁷. Абсолютизируя такие сведения, ряд исследователей пришли к выводу об отсутствии протоколов вообще.

Большой интерес представляют сведения, приведенные А. Г. Шляпниковым о численном составе Совета, соотношении в нем рабочих и солдат. «Единой нормы представительства в Совет на деле не существовало. Число членов Совета возрастало с каждым днем. В первые дни возникновения Совета, примерно до 5–7 марта, число членов рабочих и солдат доходило до 1200. Во второй половине марта состав Совета расширился уже почти до 3 тысяч. На заседании рабочей части Совета от 18 марта Б. О. Богданов сообщил, что в Совете состоит 2 тысячи солдат и 800 рабочих»¹⁸. Такое соотношение, конечно, вызывало у А. Г. Шляпникова неприятие по понятным причинам: ведь большая часть солдат находилась под влиянием партии эсеров и голосовала в Совете соответствующим образом. Видимо, неслучайно он ошибочно преуменьшает численность войск Петроградского гарнизона до 100 тыс. человек (то есть почти втрое), преувеличивая численность рабочих до 800 тыс.

Отличительной чертой труда А. Г. Шляпникова является высокая степень объективности и точности. Конечно, он не был беспристрастным наблюдателем, и его оценки политических деятелей и партий, принимаемых Советом решений сделаны с большевистских позиций. Но он точно оценивал роль РСДРП(б) в Петроградском Совете. «Влияние нашей партии в Исп. Комитете на исход того или иного решения было невелико... Деятельность наших представителей в Исп. Комитете в то время заключалась в собирании своих сил, использовании аппарата Исп. Комитета для партийных целей. Пленумы Совета нам служили трибуной для развития наших взглядов»¹⁹.

Действительно, не получив большого влияния в Совете, партия большевиков перенесла «центр тяжести» на работу среди пролетарских и солдатских масс Петрограда, используя Совет как трибуну для пропаганды.

Представляя собой ценный источник для исследователей, книги и статьи А. Г. Шляпникова использовались в трудах советских ученых явно недостаточно и с излишне критических, пристрастных позиций, а в период 30-х — начала 50-х гг. и вовсе замалчивались.

В 1920 г. в Берлине вышли в свет воспоминания Владимира Бенедиктовича Станкевича (Владас Станка)²⁰. В 1926 г. они были изданы и в Советском Союзе, правда, с существенными сокращениями²¹. Выпускник юридического факультета Петербургского университета, затем его приват-доцент, после начала Первой мировой войны он заканчивает Павловское военное училище и оказывается в действующей армии. Февральскую революцию В. Б. Станкевич встретил в Петрограде в чине поручика. По своей партийной принадлежности он был трудовиком, а после объединения в июне 1917 г. трудовой партии с народно-социалистической стал членом Трудовой народно-социалистической партии. Среди социалистических партий она была самой правой.

В. Б. Станкевич хорошо знал многих политических деятелей, с начала марта 1917 г. входил в состав Исполнительного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и был, несомненно, очень информированным человеком. Его воспоминания написаны спустя непродолжительное время после описываемых событий и представляют большой интерес для историков Петроградского Совета, особенно вторая их часть «Революция».

Две первые главы этой части непосредственно связаны с работой В. Б. Станкевича в Исполнительном комитете Совета, а затем, уже после формирования первого коалиционного Временного правительства, он уедет на фронт, станет комиссаром Северного фронта.

Большой интерес представляют его наблюдения за настроениями солдатских масс, их отношением к офицерам в решающие дни Февральской революции. Нужно отметить, что эта среда, в отличие от рабочей, была хорошо известна офицеру В. Б. Станкевичу. «Когда я пришел в батальон (днем 27 февраля. — В. Р.) в нем уже не было не души — все разбрелись по городу. Несколько солдат в учебной комнате мирно пили чай. Я стал с ними разговаривать. Неопределенные ответы, неопределенные вопросы. Было ясно, что солдаты не верят мне и знают, что я так же не верю им»²². В то же время, в батальоне солдаты относились к нему хорошо, он пользовался авторитетом, в этот день они спасли его от самосуда. 27 февраля 1917 г., как известно, солдаты Петроградского гарнизона перешли на сторону восставшего народа, обеспечив тем самым успех революции. Офицерский же корпус пытался этому противодействовать или, в лучшем случае, оставался наблюдателем происходящих событий. И, естественно, солдатские массы испытывали глубокое недоверие к офицерам, даже прикнущим к революции. Вот еще одно характерное свидетельство непонимания устремлений солдат: «Даже заглядывая в столовые, где бесплатно с полным радушием, круглые сутки кормили солдат, я видел, что гостеприимные хозяйки словно откупались от солдатчины, прикармливали их, но чувствовали безнадежность этого, так-как солдаты сосредоточенно сидели и жевали, не выпуская из рук винтовок, не разговаривая даже между собой, не делясь впечатлениями, но каким-то стадным чувством сознавая что-то общее, думали по-своему, по-иному, непонятному и неподдающемуся к истолкованию»²³.

Временный Исполнительный комитет Совета рабочих депутатов уже 27 февраля принял специальное обращение к гражданам, в котором призывал «кормить солдат всем, что только

у вас есть»²⁴. Это воззвание было опубликовано в единственной вышедшей 27 февраля в Петрограде газете «Известия Комитета петроградских журналистов».

В воспоминаниях В. Б. Станкевича постоянно подчеркивается стихийный характер революционных событий, роль же Государственной Думы, в отличие от мемуаристов либерального лагеря, оценивается невысоко. Так, оказавшись вечером 27 февраля в Таврическом дворце, где уже возникли два центра власти в лице Петроградского Совета рабочих депутатов и Временного комитета Государственной Думы, он позднее напишет: «И дело было не “плохо”, только оно не сосредоточивалось в Таврическом дворце, который только сам считал себя руководителем восстания. На самом же деле восстание совершилось стихийно, на улицах»²⁵.

Вопрос о соотношении стихийности и организованности в Февральской революции давно уже является предметом дискуссий историков. Долгое время в отечественной историографии искусственно выпячивались элементы организованности, отрицать которые совсем было бы ошибочно, но все же, и здесь можно согласиться с В. Б. Станкевичем: выступление солдат было стихийным. Наблюдая на следующий день (28 февраля. — В. Р.) массовые шествия солдат, матросов, рабочих к Таврическому дворцу, он приходит к выводу: «Дума оказалась упраздненной с первых же дней, хотя многие воинские части по официальной версии и приходили её поддерживать»²⁶. Для солдат, нарушивших присягу в эти дни, действительно важным было получить от Государственной Думы одобрение своих действий. На это обстоятельство давно уже обратили внимание исследователи²⁷.

В своих мемуарах В. Б. Станкевич уделил много внимания созданию и деятельности Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, членом которого он являлся уже в начале марта. Сразу же после образования двух центров власти В. Б. Станкевич увидел в этих отношениях противостояние: «...противоположность между обеими организациями сказывалась с каждым днем принципиальнее и глубже по существу и ощутительнее вовне»²⁸.

Действительно, противостояние существовало, но было и стремление к компромиссу, к соглашению, которое и было достигнуто путем организации государственной власти в лице Временного правительства. Но революционной властью в глазах рабочих Петрограда и солдат гарнизона являлся, безусловно, Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, авторитет которого в их глазах был выше. И на это обстоятельство также указывает В. Б. Станкевич: «...несмотря на образование Временного правительства, Совет рабочих и солдатских депутатов, или, вернее, его Исполнительный комитет вскоре стал, бесспорно, единственным вождем революции»²⁹. Если такое отношение к Совету рабочих представляется для него очевидным и понятным, то причину популярности Совета среди солдат он видит — и не без оснований — в издании им знаменитого приказа № 1.

Уже в эти дни В. Б. Станкевич начинает размышлять о способности Совета осуществлять руководство широкими народными массами. «Но удержит ли Совет движение, когда оно начнет

требовать? Прочен ли слой хотя бы советской идеологии на бушующем море народной раскалённой лавы?»³⁰ Для таких размышлений почва, безусловно, имелась, и дальнейшие события полностью подтверждают его опасения. Массы все больше «левели», и руководство Совета не поспевало за радикализацией рабочих и солдат Петрограда.

Большой интерес представляет специальная глава воспоминаний В. Б. Станкевича, посвященная деятельности Исполнительного комитета Петроградского Совета, в работе которого он принимал активное участие с марта до образования в начале мая коалиционного правительства. Любопытна оценка собственной роли: «...В комитете я представлял наиболее правую из допускавшихся групп — группу трудовиков. Весь март и апрель я был одним из усидчивых и постоянных посетителей заседаний... Фактически я ограничивался ролью только наблюдателя, так как после трёх лет перерыва политическая работа была для меня слишком чужда и необычна»³¹. Эта оценка достаточно справедлива — действительно, он не был ярким оратором, выступал сравнительно редко и почти исключительно по военным вопросам, но в протоколах заседаний Исполнительного комитета и его бюро среди присутствовавших фамилия его встречается довольно часто.

Отношение В. Б. Станкевича к этому руководящему органу Петроградского Совета противоречиво. С одной стороны: «В это время Исполнительный комитет имел чрезвычайный вес и значение. Формально он представлял собой только Петроград, но фактически это было революционное представительство всей России, высший авторитетный орган, к которому прислушивались отовсюду с напряжённым вниманием как к руководителю и вождю восставшего народа»³².

С другой стороны, В. Б. Станкевич подвергает резкой критике организационную неразбериху, царившую в Исполнительном комитете, отсутствие четкой политической линии. «Вопросы приходилось разрешать под напором чрезвычайной массы делегатов и ходоков...»³³.

В воспоминаниях характеризуется спектр политических партий, представленных в Исполнительном комитете, даются характеристики многих политических деятелей, входивших в его состав. Так, В. Б. Станкевич отмечает, что «главенствующее положение в комитете всё время занимали социал-демократы различных толков»³⁴. И это полностью соответствовало действительности: социал-демократы (меньшевики) в этот период играли в Исполнительном комитете Совета главную роль. Представители народников «всё время предпочитали держаться в стороне, скорее присматриваясь к комитету, чем руководя им»³⁵. Отношение к большевикам у В. Б. Станкевича достаточно негативное. Он допускает ошибку, считая М. Ю. Козловского и П. И. Стучку представителями большевиков, они формально представляли национальные организации социал-демократов. Интересна его характеристика Л. Б. Каменева, игравшего заметную роль в Исполнительном комитете после своего возвращения из ссылки: «...в политике он был несомненно не врагом, а только оппозицией»³⁶. Всего в главе, посвященной Исполнительному комитету, приводятся характеристики 27 его членов.

В. Б. Станкевич выделяет как наиболее яркую фигуру среди руководства Петроградского Совета И. Г. Церетели, и даже разделяет работу Исполнительного комитета на два периода — до и после его возвращения из ссылки. В известной степени можно согласиться с этим утверждением. С приездом И. Г. Церетели сторонники концепции «революционного оборончества» получили признанного лидера. На это обстоятельство также обращали внимание исследователи истории Петроградского Совета. В воспоминаниях В. Б. Станкевича освещается широкий круг проблем, которыми занимался Исполнительный комитет, и они, безусловно, представляют собой ценный исторический источник, который также использован недостаточно. Наблюдения В. Б. Станкевича отличаются высокой степенью достоверности, позволяют более объективно изучить историю Февральской революции в Петрограде и деятельность Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.

Среди мемуарных источников, вышедших в 20-е гг., — книги С. Д. Мстиславского (Масловского)³⁷. Подполковник, сотрудник военной академии, Сергей Дмитриевич Мстиславский принадлежал к левому крылу партии эсеров. Вечером 27 февраля он оказывается в Таврическом дворце, в самом центре политических событий. Он был приглашен Временным Исполнительным комитетом в военную комиссию Совета, существовавшую вначале в форме повстанческого штаба для руководства военными действиями восставших воинских частей.

Обладавший литературными способностями С. Д. Мстиславский дает в своих книгах очень яркую, живую картину событий, свидетелем которых он был.

Вот каким виделось ему политическое «лицо» создаваемого Совета: «Рабочая группа вся на-лицо: (рабочая группа ЦВПК. — В. Р.) ей вместе с социал-демократическими депутатами думы — Скобелевым и Чхеидзе — естественно первый голос: они хозяева. Из крайних левых вижу только большевика Шляпникова и эсера Александровича да 2–3 по конспирации знакомых рабочих»³⁸.

Это довольно точное наблюдение: именно меньшевики играли главную роль в организации Совета 27 февраля. На своем посту С. Д. Мстиславский пытался осуществлять руководство восставшими солдатами. Его оценки военной ситуации довольно противоречивы. С одной стороны: «положение наше катастрофическое», с другой: «В городе же революционная атмосфера разбивает правительственные войска вернее всяких баррикад»³⁹. В условиях неразберихи (отсутствия связи с частями) иными эти оценки и не могли быть.

Любопытно описание процесса слияния военной комиссии Совета с военной комиссией (Военным комитетом), образованной Временным комитетом Государственной Думы. В ночь на 28 февраля в комиссию Совета пришел председатель Временного комитета М. В. Родзянко с предложением об объединении двух комиссий. В ходе довольно бурного обсуждения⁴⁰ Совет пошел на уступки, и была образована единая комиссия под руководством полковника Б. А. Энгельгардта. Этот факт подтверждает, что наряду с противостоянием двух центров

власти, сильны были и элементы сотрудничества и компромиссов. На это обращает внимание и С. Д. Мстиславский: «...люди, выдвинутые ходом событий во главу движения относительно охотно пошли на сговор с Думой»⁴¹.

Предлагает он и свое объяснение причин, по которым именно Таврический дворец стал центром притяжения восставших: «Таврический дворец силою обстоятельств становился наилучшим помещением для штаб-квартиры восстания, ибо он надёжнее всякого иного пункта, был прикрыт от удара. Именно это обстоятельство, а не “авторитет” Государственной думы оттянуло к Таврическому восставшие толпы»⁴².

Эта точка зрения военного человека, и она не представляется справедливой. Возможно, позднее этот фактор тоже существовал, но главным был именно «авторитет» Думы. Один из разделов-дней книги С. Д. Мстиславского посвящен попытке Исполнительного комитета Совета перевести арестованного Николая II из Царского Села в Петропавловскую крепость. Мстиславский был назначен, наряду с А. И. Тарасовым-Родионовым, командовать специальным отрядом, который 9 марта выехал в Царское Село. В этой части книги писатель взял вверх над мемуаристом, как отмечают исследователи. Он пишет, как на последних перегонах к Царскому Селу солдаты сурово замолкали, крестились, примыкали к винтовкам штыки — как будто речь шла о военной операции⁴³.

Имея возможность видеть бывшего императора, С. Д. Мстиславский рисует прямо-таки зловещий образ, и в этой части его воспоминания сильно расходятся с другими свидетельствами. В этот же день он выступал на заседании Исполнительного комитета Совета с отчетом о своей поездке: «Охрана дворца находится в руках революционных войск. Издан приказ, чтобы никого не впускать во дворец и не выпускать из дворца. Все телефоны и телеграфы выключены. Николай Романов находится под бдительным надзором»⁴⁴. Далее он заявил, что «представители считают возможным оставить Николая в прежнем состоянии»⁴⁵. Но на заседаниях Совета и его Исполнительного комитета С. Д. Мстиславский появляется нечасто, главным образом его работа протекает в военной комиссии.

Он и сам сообщает об этом: «Мы ходили в Исполком только по своим, секционным делам, если требовалось что-нибудь проштемпелевать свыше или как мы говорили “прочхеидзить”»⁴⁶. Четвертый раздел-день книги посвящен событиям 25 октября 1917 г. Любопытна оценка мемуаристом Временного правительства: «В городе порохом не пахло: власть фактически лежала на земле. Чтобы поднять её достаточно было нагнуться»⁴⁷.

Если с первой частью такого утверждения можно согласиться, — действительно, авторитет Временного правительства упал до очень низкого уровня и оно практически утратило способность к управлению, — то чтобы прийти к власти, большевикам пришлось не «нагнуться», а проделать огромную работу по завоеванию Петроградского Совета, созданию при нем Военно-революционного комитета. Книги С. Д. Мстиславского (Масловского), несмотря на присущие им недостатки, проливают дополнительный свет на историю Петроградского Совета в 1917 г.

-
- ¹ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. I. Кн. 1–2. М., 1991. С. 44.
- ² Корников А. А. Судьба российского революционера: Н. Н. Суханов — человек, политик, мемуарист. Иваново, 1995.
- ³ Там же.
- ⁴ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. I. С. 235.
- ⁵ Андреев А. М. Советы рабочих и солдатских депутатов накануне Октября. М., 1967. С. 21.
- ⁶ Суханов Н. Н. Записки о революции. Т. I. С. 79.
- ⁷ Там же. С. 79.
- ⁸ Шляпников А. Г. Канун Семнадцатого года. Семнадцатый год. М., 1992. Т. 2. С. 102.
- ⁹ Там же. С. 123.
- ¹⁰ Там же. С. 124.
- ¹¹ Там же. С. 126.
- ¹² Там же. С. 134.
- ¹³ Там же. С. 125–126.
- ¹⁴ Там же. С. 126.
- ¹⁵ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 2. СПб., 1995.
- ¹⁶ Шляпников А. Г. Семнадцатый год. М.; Л., 1927. С. 167.
- ¹⁷ Там же. С. 174.
- ¹⁸ Там же. С. 167.
- ¹⁹ Шляпников А. Г. Канун Семнадцатого года. Семнадцатый год. Т. 2. М., 1992. С. 464.
- ²⁰ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919 гг. Берлин, 1920.
- ²¹ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919 гг. Л., 1926.
- ²² Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919 гг. М., 1994. С. 32.
- ²³ Там же. С. 35.
- ²⁴ Известия комитета петроградских журналистов. 1917. 27 февраля.
- ²⁵ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919 гг. М., 1994. С. 33.
- ²⁶ Там же. С. 35.
- ²⁷ Бурджалов Э. Н. Вторая русская революция. Восстание в Петрограде. М., 1967. С. 202; Соболев Г. Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1988. С. 51–52.
- ²⁸ Станкевич В. Б. Воспоминания. 1914–1919 гг. М., 1994. С. 36.
- ²⁹ Там же. С. 36–37.
- ³⁰ Там же. С. 38.
- ³¹ Там же. С. 39–40.
- ³² Там же. С. 40.
- ³³ Там же.
- ³⁴ Там же.
- ³⁵ Там же. С. 41.
- ³⁶ Там же. С. 42.
- ³⁷ Мстиславский С. (Масловский). Пять дней. Начало и конец Февральской революции. Берлин; Пг.; М., 1922; Мстиславский С. Гибель царизма. Л., 1927.
- ³⁸ Мстиславский С. (Масловский). Пять дней. Начало и конец Февральской революции. С. 13.
- ³⁹ Там же. С. 11.

⁴⁰ См.: Там же. С. 17.

⁴¹ Мстиславский С. Гибель царизма. Л., 1927. С. 73.

⁴² Там же. С. 75.

⁴³ Мстиславский С. (Масловский). Пять дней. Начало и конец Февральской революции. С. 84.

⁴⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Документы и материалы. Т. I. Л., 1991. С. 220.

⁴⁵ Там же. С. 221.

⁴⁶ Мстиславский С. (Масловский). Пять дней. Начало и конец Февральской революции. С. 42.

⁴⁷ Там же. С. 62.